

«Снегурочка» Сусанны Цирюк прописалась в Минске, но могла бы составить честь главным столичным театрам России

Премьера Белорусской оперы — эталонный спектакль большой формы и мастер-класс по актуальной, но бережной интерпретации русского оперного канона. Отталкиваясь от вагнерианства Римского-Корсакова, многоопытная Сусанна Цирюк уводит «Снегурочку» из заповедной пуши этнографически развесистого кича в космос европейской культуры. Любовно выделанная художественная ткань свита из колоссального количества прямых аллюзий, перекрестных ссылок и завуалированных цитат. Соединение на первый взгляд разнородных элементов в кросс-культурное целое составляет сверхсюжет постановки: веку разорванного сознания минская «Снегурочка» противопоставляет монолит авторской воли — пускай не всевышнего, но режиссера-аса.

Помня о том, что после «Снегурочки» композитор напишет оперу-балет «Млада», Цирюк выстраивает спектакль в логике синтетического жанра. Мускулистый рельеф постановки образован сплетением психологического нарратива и самодостаточного танцевального узорочья хореографа Александры Тихомировой. Создатели минской «Снегурочки» трактуют Римского-Корсакова как прото-Стравинского: Масленицу провожают фигуры, сбежавшие из «Петрушки» Бенуа — Фокина, не забыта «Свадебка» Брониславы Нижинской, кульминация предфинального «А мы просо сеяли» словно бы вынута из «Весны священной». Остроумный минус-прием, остраивающий балетные рифмы, — появление преследующих Мизгиря виллис «Жизели».

Прослаивающий спектакль балет зодиакальных созвездий членит действие, обозначая смену дня и ночи: каждая визуально манкая деталь режиссуры работает на ясность общего смысла.

Вибрирующий свет Ирины Вторниковой вмиг преобразует ледяные торосы слюдяного астероида сценографа Кирилла Пискунова в деревенский косогор с някрошюсовским сухостоем на горизонте. На приказ охранять Снегурочку ее вырастающему из-под земли истукану отцу отвечают невидимые обитатели маячащих на заднике планет. В сцене таяния они сначала взмоют к колосникам, а потом и вовсе скроются из поля зрения: оставшись среди людей, Снегурочка пошла против природы и лишилась покровительства невидимых с Земли небесных спутников.

Зрелищность картинке обрамляет и оттеняет обостренный психологизм постановки. Хвастаясь своим счастьем, Купава щеголяет перед Снегурочкой свадебными рушниками — и ими же, уже бесполезными, чуть позднее замахивается на невольную разлучницу; томимая жаждой любви героиня с завистью смотрит на гендерно реализовавшуюся мать. В спектакле Сусанны Цирюк «Снегурочка» едва ли не впервые за новейшую сценическую историю оперы выглядит не изощренно раскрашенным лубком, а по-человечески трогательным повествованием.

Дмитрий Ренанский

Для Ведомостей 01.02.2011, №16 (2782)

<http://belarusopera.by>